

А. В. ВАСИЛЬЕВ

**МАСКИ ПРЕДКОВ ПРИНЦЕПСА
КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ
ПРОПАГАНДЫ В ПЕРИОД ЮЛИЕВ-КЛАВДИЕВ***

Изображения предков (*imagines maiorum*) являлись одним из важнейших признаков аристократического статуса в Риме в эпоху классической республики. В историографии по-прежнему нет единого мнения по поводу происхождения практики использования изображений предков, времени ее появления, материала из которого изготавливались эти изображения, наличия или отсутствия пресловутого *ius imaginis* (право выставлять изображения предков в атриуме дома), самого термина *imagines maiorum* и археологических находок, которые могут быть так или иначе с ним соотнесены¹. Особую проблему составляет степень влияния этой практики на развитие римского скульптурного портрета².

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 13-31-01013-a1 «Маска в античном театре: происхождение, семантика, основные контексты функционирования».

¹ Среди наиболее важных работ см.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. 3te Aufl. Leipzig, 1887. Bd. I. S. 442–447; Meyer H. *Imagines Maiorum* // Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Bd. VIII. Hbbd. 17. Stuttgart, 1914. Sp. 1097–1104; Zadoks-Josephus Jitta A. N. *Ancestral Portraiture in Rome*. Amsterdam, 1932; Drerup H. *Totenmaske und Ahnenbild bei den Römern* // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung*. 1980. N 87. S. 81–129; Flower H. I. *Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture*. Oxford, 1996. См. также нашу статью о значении масок предков в публичной репрезентации римской аристократии: Васильев А. В. Маски предков (*imagines*) и их значение для римской аристократии в эпоху классической республики // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2013. Вып. 13. С. 193–206.

² Richter G. M. A. *On the Verism in Roman Portraits* // *Journal of Roman Studies*. 1955. N 45. P. 39–64; Jackson D. *Verism and the Ancestral Portrait* //

Вопрос об использовании изображений предков в императорскую эпоху составляет отдельную проблему. Сохранилась ли эта традиция в том же виде, в каком она существовала в период поздней республики? Использовались ли изображения предков сенаторской аристократией первых веков империи, и каково было отношение императорской власти к этому предмету аристократической гордости? Наконец, в какой мере и с какой целью сами принцепсы использовали древнюю республиканскую традицию? Данный очерк имеет целью наметить некоторые пути для ответа на последний вопрос применительно ко времени правления принцепсов династии Юлиев-Клавдиев.

В свидетельствах историков императорского времени Тацита, Светония, Диона Кассия периодически возникают упоминания об *imagines* в связи с похоронами принцепсов и членов их семей. Первый значительный блок таких свидетельств относится ко времени принципата Августа, который придавал особое значение похоронам своих родственников и друзей, в особенности тех, кто относился к категории потенциальных преемников принцепса. Сам Август, как известно, происходил из всаднического рода Октавиев, не слишком отмеченного выдающимися предками³. Однако его усыновление Цезарем предоставляло обширные возможности для использования богатой генеалогии Юлиев.

Дион Кассий сообщает, что после смерти Агриппы в 12 г. до н. э. его тело по решению принцепса вначале было выставлено на форуме, а саму похоронную процессию Август «устроил так, как была впоследствии организована его собственная, и похоронил его [Агриппу] в собственном мавзолее, хотя сам он приобрел себе место для захоронения на Марсовом поле» (καὶ τὴν ἐκφορὰν αὐτοῦ ἐν τῷ τρόλῳ ἐν ᾧ καὶ αὐτὸς μετὰ ταῦτα ἐξηνέχθη ἐποήσατο, καὶ αὐτὸν καὶ ἐν τῷ ἑαυτοῦ μνημείῳ ἔθαψε, καίτοι ἴδιον ἐν τῷ Ἀρείῳ πεδίῳ λαβόντα — Dio Cass. LVIV. 28. 5). Таким образом, хотя Агриппа и не являлся

Greece and Rome (Second Series). 1987. N 34. P. 37–47; Gruen E. S. Culture and National Identity in Republican Rome. New York, 1992. P. 153–156.

³ Лишь отец Августа Гай Октавий достиг должности претора и попал в сенаторское сословие, см.: Broughton T. R. S., Patterson M. L. Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. P. 595.

родственником Августа, его похороны стали своего рода репетицией будущих похорон самого принцепса.

Х. Флауэр предполагает, что это свидетельство определяет то значение, которое Август придавал похоронам всех своих наследников. Агриппа не имел никаких изображений предков, которые могли быть продемонстрированы при его погребении. Однако его женитьба на дочери Августа Юлии позволяла вполне законно использовать на его похоронах изображения Юлиев. Еще до смерти Агриппы в 6-й книге Энеиды Вергилий представил похожий парад героев Рима от легендарного Энея до самого Августа (Verg. Aen. VI. 756–892). Флауэр считает, что эта сцена не случайно связывается в изложении поэта со смертью Марцелла и, по всей видимости, поэт отразил в ней то, что он мог видеть на первых похоронах нового правящего дома в 23 г. до н. э.⁴

Вслед за похоронами Марцелла и Агриппы последовали похороны любимой сестры Августа Октавии в 11 г. до н. э., о которых Дион также сообщает интересные подробности. Как и в случае с Агриппой, тело было выставлено, но не на форуме, а в храме божественного Юлия. Принцепс сам произносил панегирик на ее погребении, а Друз произнес еще одну речь в память о ней с ростр (Dio Cass. LIV. 35. 4). Последнее обстоятельство свидетельствует в пользу того, что именно Друз считался в тот момент наследником принцепса, поскольку произнесение одной из речей при погребении членов правящего дома наследником принцепса становится с этого момента обычной практикой.

Говоря о похоронах Германика, которые были проведены на чужбине без соблюдения положенных обычаем ритуалов, Тацит сравнивает их с похоронами его отца Друза Старшего в 9 г. до н. э. и утверждает, что во время той церемонии: «катафалк окружали изображения Клавдиев и Юлиев» (*circumfusas lecto Claudiorum Iuliorumque imagines* — Tac. Ann. III. 5)⁵. Друз никогда не был формально включен в род Юлиев и в его похоронах не должны

⁴ Flower H. I. Ancestor Masks... P. 239–240.

⁵ Дж. Тойнби полагает, что использованное Тацитом выражение склоняет к тому, чтобы считать изображения бюстами (а не масками), расположенными на похоронном катафалке вокруг погребального ложа: Toynbee J. M. C. Death and Burial in the Roman World. London, 1971. P. 48.

были использоваться их изображения. Решение принцепса рассматривается как проявление его особой привязанности к своему младшему пасынку⁶, но, возможно, Август также хотел продемонстрировать римлянам единство двух ведущих патрицианских родов, которые отныне и навеки должны были встать у руля римского государства. Последовавшие похороны внуков принцепса Гая и Луция, вероятно, проводились в соответствии с уже сложившимся в императорской семье погребальным церемониалом.

Свидетельство о похоронах самого Августа, которое оставил Дион Кассий, позволяет ретроспективно реконструировать общий ход упомянутых выше погребений. Как сообщает греческий историк, во время похорон тело принцепса лежало в гробу на ложе из слоновой кости и золота⁷, украшенном пурпурными покрывалами, вышитыми золотой нитью. При этом публике демонстрировалось восковое изображение покойного в триумфальных одеждах (εἰκὼν δὲ δῆ τις αὐτοῦ κηρίνη ἐν ἐλικίῳ στολῆι — Dio Cass. LVI. 34), которое несли с Палатина магистраты, избранные на будущий год. Другое изображение, сделанное из золота, несли из здания сената. Наконец, третье изображение принцепса везли на триумфальной колеснице. За этими портретами покойного следовали изображения всех его предков, за исключением Цезаря, поскольку он был причислен к богам, а также «несли изображения всех тех римлян, которые каким-либо образом первенствовали, начиная с самого Ромула» (αἶ τε τῶν ἄλλων Ῥωμαίων τῶν καὶ καθ' ὅτιοῦν πρωτεύσαντων, ἅπ' αὐτοῦ τοῦ Ῥομίλου ἀρξάμενα ἐφέροντο). Дион указывает, что среди них можно было видеть даже портрет Помпея Великого, а также олицетворения всех тех народов, которые он покорил, с характерными для них атрибутами.

Сообщение Диона Кассия позволяет представить себе пышную картину похорон основателя новой монархии.

⁶ Rowell H. T. The Forum and the Funeral “Imagines” of Augustus // *Memoirs of the American Academy in Rome*. 1940. Vol. 17. P. 138.

⁷ С. К. Кузнецов полагал, что гроб и во время выставления в Палатинском дворце (collocatio), и во время самой похоронной процессии был закрытым, а само тело покойного, использование которого в процессии было обычным в республиканские времена, замещалось упоминаемым Дионом восковым изображением принцепса: Кузнецов С. К. Погребальные маски, их употребление и значение. Казань, 1906. С. 35.

Его погребальная процессия (*pompa funebris*) не случайно напоминает процессию триумфальную (*pompa triumphalis*). Немецкий ученый Й. Рюпке высказал гипотезу о том, что обе аристократические привилегии появились вместе с процессом формирования нобилитета в конце IV в. до н. э. и включали в себя установку терракотовых, а позднее бронзовых статуй в публичных местах. Август же монополизировал оба этих аристократических атрибута для себя и членов своей семьи и видоизменил их, приспособив к нуждам принципата⁸.

Однако свидетельство Диона Кассия чрезвычайно ценно еще и потому, что отражает изменения, произведенные Августом в аристократическом погребальном церемониале: к изображениям своих предков Август добавил изображения знаменитых римских политических деятелей и связал себя этой своеобразной нитью преемственности с самим легендарным основателем Рима⁹. Особенно характерно присутствие портрета Помпея в отсутствие изображения Цезаря, демонстрирующее завершение гражданских распрей и несущественность сугубо политических мотивов в подборе персонажей.

Светоний сообщает, что еще при жизни в обоих портиках при своем форуме Август установил статуи наиболее выдающихся римлян в триумфальном облачении, объявив эдиктом, что это он делает для того, чтобы и его, пока он жив, и всех правителей после него граждане побуждали бы брать пример с этих мужей (Suet. Aug. 31. 5). Раскопки форума Августа предоставили в распоряжение историков дополнительный материал, касающийся этих изображений, в частности подписи к ним (*tituli*) с элогиями (перечислениями наиболее значительных должностей и деяний). В. Вебер впервые отметил сходство в подборе персоналий для статуй легендарных героев республики на форуме Августа и изображений на похоронах

⁸ Rüpke J. *Triumphator and Ancestor Rituals between Symbolic Anthropology and Magic* // *Numen*. 2006. Vol. 53. Fasc. 3. P. 278–280.

⁹ Т. Моммзен полагал, что Дион, описывая похороны Августа, переносил практику своего времени в прошлое, поскольку такое нарушение республиканской традиции казалось ему несовместимым с идейной программой Августа: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* Bd I. S. 443, п. 1. На наш взгляд, информация, полученная в результате раскопок на форуме Августа, может служить дополнительным аргументом в пользу достоверности свидетельства Диона (см. ниже).

ВЫПУСК III

принцепса, упоминаемых Дионом Кассием. Он указывал, что форум Августа был предназначен не только вызывать в исторической памяти римлян подвиги героев прошлого, но и поставить самого Августа в один ряд с ними¹⁰.

Более подробно этот сюжет был разработан Г. Роуэллом в специальной статье на эту тему. Автор трактовал подбор персоналий для форума и для похорон Августа как часть единого пропагандистского замысла, призванного убедить современников в легитимности нового режима. Роуэлл разделяет персонажей, чьи статуи были установлены на форуме, на три основных группы: к первой относились герои республики (Камилл, Аппий Клавдий Цек, Фабий Максим), включая довольно спорные фигуры Мария и Суллы; ко второй — легендарные прародители римского народа (Эней, Альбанские цари, Ромул); наконец, третью группу составляли родственники самого императора, включая тех, кто умер уже во время его правления (Друз Старший и Марцелл). Роуэлл полагает, что это позволяет рассматривать форум Августа не только как публичное место почитания прославивших республику римлян, но и как своеобразный аналог частного императорского атрия, где изображения предков принцепса соседствовали с его политическими предшественникам¹¹.

В последнее время получила распространение точка зрения о том, что погребальный ритуал принцепса, как он описывается Дионом Кассием в случае с похоронами Августа (Dio Cass. LVI. 42), имел особое символическое значение для его обожествления. Дион сообщает, что после произнесения преемником панегирика на форуме процессия двигалась на Марсово поле, где восковое изображение принцепса было водружено на погребальный костер, а когда он был зажжен, орел взлетел с него и воспарил к небесам. Ряд ученых полагает, что вся эта церемония была призвана символизировать причисление императора к богам¹².

¹⁰ Weber W. *Princes: Studien zur Geschichte des Augustus*. Stuttgart, 1936. Bd I. S. 79, n. 350.

¹¹ Rowell H. T. *The Forum and the Funeral "Imagines" of Augustus...* P. 141.

¹² Price S. R. F. *From Noble Funerals to Divine Cult: the Consecration of the Roman Emperors // Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies*. Cambridge, 1987. P. 56–105; Heckster O. *Honouring Ancestors:*

С приходом к власти Тиберия проведение пышных похорон членов императорского дома перестало быть обязательным. Первыми похоронами в императорской семье при Тиберии стало погребение Германика в 20 г. н. э., которое было проведено без каких-либо церемоний и фактически стало катализатором серьезного политического кризиса, с которым столкнулся новый принцепс. В атмосфере, полной слухов и домыслов, в ожидании предстоящего суда на Пизоном, которого обвиняли в отравлении Германика, Тиберий принял решение похоронить прах своего племянника без традиционной пышной процессии в Риме. Мотивом для этого послужила смерть Германика в Сирии и сложности с доставкой его останков в Рим. Впрочем, это явно не являлось основной причиной, так как можно было провести кремацию на месте, доставить пепел покойного в Рим и здесь провести погребальную церемонию¹³. Нежелание Тиберия устраивать племяннику официальные похороны вызвало возмущение среди римского плебса, у которого Германик пользовался огромной популярностью (Tac. Ann. III. 5; Dio Cass. LVII. 18. 6–8).

Впрочем, некоторые эпиграфические памятники, которые появились в распоряжении историков в XX в., позволяют судить о том, что Германик, тем не менее, получил многочисленные посмертные почести. Во-первых, это так называемая *Tabula Hebana* (таблица из Гебы, открытая в 1947 г.), в которой помимо прочего указано, что изображения Германика и его отца Друза должны быть установлены среди изображений других выдающихся людей, а, кроме того, в театрах должны быть установлены пустые курульные кресла (*sellae curules*) в память о Германике¹⁴. Открытие в 1981 г. в Испании *Tabula Siarensis*

Dynamic of Deification // Ritual Dynamics and Religious Change in the Roman Empire: Proceedings of the Eighth Workshop of the International Network Impact of Empire (Heidelberg, July 5–7, 2007). Vol. 9. Leiden; Boston, 2008. P. 95–110.

¹³ Известно, например, что прах Септимия Севера был доставлен Гетой и Каракаллой из Британии в Рим, после чего еще семь дней выставлялся вместе с восковым изображением принцепса до проведения похорон (Herod. IV. 2. 2).

¹⁴ Публикация надписи и подробный комментарий см.: Coli U. Scoperta di una tabula aenea iscritta nella località 'Le Sassaie' nel territorio dell'antica Heba // *Notizie degli Scavi di Antichità*. 1947. LXXII. P. 49–68.

(L'Année épigraphique. 1984: 508), содержащей фрагменты двух постановлений сената о дополнительных мерах, принятых для сохранения памяти Германика в декабре 19 г. н. э., дополнило информацию таблицы из Геба. В этой надписи говорится об установлении в публичных местах бронзовых стел, на которых должны быть высечены хвалебные речи Тиберия и Друза Младшего в память о Германике¹⁵.

Испанским ученым Х. Гонсалесом была высказана точка зрения о том, что информация таблицы из Сиара демонстрирует серьезное искажение слов и действий Тиберия в произведении Тацита, объясняемое его неприязнью к этому принцепсу¹⁶. Однако Тацит не отрицает произнесения хвалебных речей в честь Германика в сенате или их публикацию на бронзовых стелах. Он сообщает лишь о недовольстве римлян отсутствием обычных для семейных похорон при Августе речей принцепса на форуме и процессии с изображениями предков. Х. Флауэр считает, что отношение Тиберия к похоронам было принципиально иным, чем отношение Августа. Принцепс намеренно избегал публичного проявления эмоций по поводу смерти своих родственников и связанной с их похоронами помпы¹⁷.

Однако некоторые факты говорят о том, что Тиберий не был совершенно чужд публичной погребальной церемонии (в частности, рассказ Тацита о похоронах Друза Младшего, сына Тиберия — Тас. Анн. IV. 9. 2). На наш взгляд, основным мотивом в случае с Германиком была именно сложная политическая ситуация и нежелание Тиберия провоцировать среди римского населения чересчур эмоциональных проявлений, которые могли вылиться в массовые беспорядки, подобно тому, что в свое время произошло на похоронах Цезаря. Однако результат осторожности Тиберия оказался ровно противоположным, так как

Разбор новых фрагментов надписи и упоминаемых в них почестях, предоставленных Германику, см.: Weinstock S. The Image and the Chair of Germanicus // Journal of Roman Studies. 1957. Vol. 47. P. 144–154.

¹⁵ Подобный разбор надписи см.: González J. Tabula Siarensis, fortunales Siarensis et municipia civium romanorum // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1984. Vol. 55. P. 55–100; Князев П. А. Tabula Siarensis и два акта сената памяти Германика Цезаря (историческое сопоставление и перевод) // Исседон. Т. 3. 2005. С. 139–171.

¹⁶ González J. Tabula Siarensis... P. 79.

¹⁷ Flower H. I. Ancestor Masks... P. 250–252.

она и спровоцировала политический кризис. Возможно, именно после этого, с целью смягчить последствия кризиса, Тиберий и провел в сенате решение о дополнительных посмертных почестях своему племяннику.

С другой стороны, принцепс столкнулся с серьезной оппозицией в рядах сенаторской аристократии, которая опиралась на сохранявшиеся традиции ее публичной репрезентации. Такого рода пример дает история Скрибония Либона Друза, заговор которого против Тиберия был раскрыт еще в 16 г. н. э. (Тас. Анн. II. 27–32), в результате чего Либон был вынужден покончить жизнь самоубийством. Что характерно, Тацит указывает на изображения предков как один из мотивов чрезмерных амбиций Либона. Но еще более показателен тот факт, что уже после гибели заговорщика и вынесения ему обвинительного приговора в сенате Котта Мессалин предложил исключить изображения Либона во время похоронных шествий его потомков (Тас. Анн. II. 32). Запрет такого рода был не единичным и применялся к различным неугодным политическим фигурам, в частности к Гн. Кальпурнию Пизону, согласно знаменитому *Senatus Consultum de Cn. Pisone patre* (80–82)¹⁸.

Настоящим вызовом, брошенным Тиберию, стали пышные похороны сестры Брута и жены Кассия Юнии в 22 г. н. э. Тацит сообщает о том, что уже своим завещанием Юния оскорбила принцепса, упомянув в качестве наследников всех наиболее знатных граждан кроме него. Во время погребальной процессии Юнии несли изображения представителей двадцати знатнейших родов, но более всего привлекало внимание отсутствие изображений Брута и Кассия (Тас. Анн. III. 76)¹⁹. Х. Флауэр полагает, что изображение первого консула и основателя

¹⁸ Potter D. S., Damon C. “Senatus Consultum de Cn. Pisone patre”: Text, Translation, Discussion // *American Journal of Philology*. 1999. P. 26.

¹⁹ Хранение изображений Брута или Кассия не было формально запрещено, но могло быть под запретом их использование на публичных похоронах. Имеется свидетельство о том, что при Августе изображение Брута хранилось в доме Луция Сестия, несмотря на это ставшего консулом (Dio Cass. LIII. 32. 4). Вместе с тем Тиберий боролся с памятью о «последних республиканцах», о чем говорит обвинение Кремуция Корда в 25 г. н. э. за выраженную в его анналах похвалу в адрес Брута и Кассия (Тас. Анн. IV. 34).

республики, с которым часто сравнивали Брута при жизни, могло быть использовано на похоронах Юнии, чтобы напомнить римлянам о ее собственном брате²⁰.

Возможно, именно в связи с этим, когда год спустя после похорон Юнии умер собственный сын Тиберия Друз, принцепс провел торжественные похороны в традициях Августовских погребений. Тацит пишет: «Похороны отличались множеством изображений выдающихся предков, среди которых можно было увидеть прародителя рода Юлиев Энея и всех Альбанских царей и основателя города Ромула, затем Сабинскую знать, Атта Клавза и в длинном ряду изображения прочих Клавдиев» (*funus imaginum pompa maxime inlustre fuit, cum origo Iuliae gentis Aeneas omnesque Albanorum reges et conditor urbis Romulus, post Sabina nobilitas, Attus Clausus ceteraque Claudiorum effigies longo ordine spectarentur* — Тас. Ann. IV. 9. 2). Это показывает, что отношение Тиберия к погребальным процессиям членов императорского дома не было однозначным, а разлад в императорской семье отразился и на погребальной практике. Об этом говорят похороны Ливии (29 г. н. э.), о которых Тацит специально замечает, что они были скромными (*funus eius modicum* — Тас. V. 1. 4).

Как было замечено, после похорон Друза Младшего свидетельств об использовании изображений предков на похоронах становится все меньше. Некоторые исследователи даже сделали вывод о том, что сама практика их использования в погребальной церемонии стала выходить из употребления²¹. Однако для такого предположения нет оснований, тем более что отдельные свидетельства все же встречаются. Светоний сообщает, что Калигула провел пышные похороны самого Тиберия²², а также устроил целый спектакль с перезахоронением праха своей матери Агриппины в мавзолее Августа, причем ее изображение везли в процессии на особой колеснице (Suet. Cal. 15. 1).

²⁰ Flower H. I. Ancestor Masks... P. 253.

²¹ Zadoks-Josephus Jitta A. N. Ancestral Portraiture... P. 30.

²² Правда, как сообщает Дион Кассий, в своем панегирике Калигула в большей степени обращался к памяти Августа и Германика, чем своего предшественника (Dio Cass. LIX. 3. 8)

Погребение того или иного члена правящего дома оставалось чрезвычайно важным политическим событием в жизни Империи. Не случайно, когда был убит Британик, Нерон назначил ему так называемый *funus acerbum* («немедленные похороны»), которые проводились без предварительной выставки тела (*collocatio*) и торжественной процессии (*rompa funebris*). Дион Кассий рассказывает по этому поводу, что лицо Британика было покрыто гипсом, а когда его тело перед сожжением было выставлено на форуме, гипс смыло проливным дождем и наружу выглянуло багровое лицо покойника, которое несло на себе следы его отравления (Dio Cass. LXI. 7. 4).

Пожар 64 г. н. э. уничтожил значительную часть старых аристократических резиденций, а также хранившиеся в них трофеи и изображения предков (Suet. Nero 38. 2). С гибелью Нерона и началом гражданской войны изображения предков на короткое время вновь обрели свое значение в борьбе за власть. Приход к власти Флавиев обозначил новую эру императоров, лишенных семейной аристократической традиции²³. Хотя маски предков и не вышли из употребления, они постепенно теряли семейные черты, все более обретая чисто пропагандистский смысл на похоронах очередного принцепса.

Подводя итоги, следует отметить, что в период правления династии Юлиев-Клавдиев аристократическая традиция использования масок предков на похоронах приобрела важное политическое и пропагандистское значение для императорского дома. Ведущую роль в этом сыграл Август, который видоизменил ее, попытавшись представить себя не только в роли наследника рода Юлиев, но и преемника всех крупнейших политических деятелей эпохи республики, которых Л. Викерт так точно определил в роли «первых граждан» (*principes*) республики²⁴. Похороны членов императорского дома (Марцелла, Друза Старшего, Гая и Луция) и других потенциальных наследников (Агриппы) позволяли первому принцепсу устраивать пышные демонстрации республиканских героев, напоминая

²³ Flower H. I. Ancestor Masks... P. 261–262.

²⁴ Wickert L. Princeps (civitatis) // Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Bd. XXII. Hbbd. 44. Stuttgart, 1954. Sp. 2016–2029.

римлянам, кем восстановлена республика. Кульминацией этого пропагандистского замысла стали похороны самого Августа, по всей видимости, спланированные и срежиссированные им заранее. Тиберий, гораздо меньше, чем Август, склонный к актерству, впервые был вынужден нарушить эту традицию в случае с похоронами Германика, что немедленно поставило его в оппозицию к общественному мнению. Оппозиционная часть сенаторской аристократии ответила принцепсу надолго запомнившимися похоронами Юнии. Попытки Тиберия бороться с этой оппозицией методами Августа уже не были столь успешны, что, возможно, и было одной из причин нарастания репрессий во второй половине его правления. В конечном итоге, наследники Августа стали использовать древнюю традицию для борьбы внутри самого правящего клана, что и привело к постепенному падению ее значения.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Автор: Васильев Андрей Владимирович, Санкт-Петербургская классическая гимназия № 610 (Санкт-Петербург)

Электронная почта: Ander-Vaas@yandex.ru

Заголовок: Маски предков принцепса как один из инструментов императорской пропаганды в период династии Юлиев-Клавдиев

Аннотация: Маски предков (*imagines maiorum*) играли важную роль в публичной репрезентации римской аристократии в эпоху республики. Однако эта традиционная форма обоснования права на особое положение в обществе оказалась востребованной и в эпоху принципата. В статье предпринята попытка проследить роль демонстрации масок предков в погребальных церемониях принцепсов из династии Юлиев-Клавдиев и их родственников на основании имеющихся письменных свидетельств античных авторов (главным образом, Тацита, Светония и Диона Кассия).

Ключевые слова: маски, изображения, предки, принцепс, пропаганда

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Broughton T. R. S., Patterson M. L. *Magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. — New-York: American Philological Association, 1951–1952. — 647 p.

2. Coli U. Scoperta di una tabula aenea iscritta nella località 'Le Sassaie' nel territorio dell'antica Heba // *Notizie degli Scavi di Antichità*. 1947. LXXII. P. 49–68.
3. Drerup H. Totenmaske und Ahnenbild bei den Römern // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung*. 1980. N 87. S. 81–129.
4. Flower H. I. *Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture*. — Oxford: Oxford University Press, 1996. — 428 p.
5. González J. Tabula Siarensis, fortunales Siarensis et municipia civium romanorum // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1984. N 55. P. 55–100.
6. Heckster O. Honouring Ancestors: Dynamic of Deification // *Ritual Dynamics and Religious Change in the Roman Empire: Proceedings of the Eighth Workshop of the International Network Impact of Empire (Heidelberg, July 5–7, 2007)*. Vol. 9. Leiden; Boston, 2008. P. 95–110.
7. Jackson D. Verism and the Ancestral Portrait // *Greece and Rome (Second Series)*. 34. 1987. P. 37–47.
8. Gruen E. S. *Culture and National Identity in Republican Rome*. — Ithaca, New York: Cornell University Press, 1992. — 360 p.
9. Meyer H. *Imagines Maiorum* // *Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1914. Bd. VIII. Hbbd. 17. Sp. 1097–1104.
10. Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. 3te Aufl. Bd. I. — Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1887 (Handbuch der Römischen Alterthümer von J. Marquardt und Th. Mommsen). — 735 s.
11. Potter D. S., Damon C. "Senatus Consultum de Cn. Pisone patre": Text, Translation, Discussion // *American Journal of Philology*. 1999. P. 13–42.
12. Price S. R. F. *From Noble Funerals to Divine Cult: The Consecration of the Roman Emperors* // *Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies* / D. Cannadine and S. Price (eds.). Cambridge, 1987. P. 56–105.
13. Richter G. M. A. On the Verism in Roman Portraits // *Journal of Roman Studies*. 1955. N 45. P. 39–64.
14. Rowell H. T. The Forum and the Funeral "Imagines" of Augustus // *Memoirs of the American Academy in Rome*. Vol. 17. 1940. P. 131–143.
15. Rüpke J. Triumphator and Ancestor Rituals between Symbolic Anthropology and Magic // *Numen*. Vol. 53. Fasc. 3. 2006. P. 251–289.
16. Toynbee J. M. C. *Death and Burial in the Roman World*. — London: Thames and Hudson, 1971. — 336 p.
17. Weber W. *Princeps: Studien Zur Geschichte Des Augustus*. Bd. I. — Stuttgart: Kohlhammer, 1936.— 247 s.
18. Weinstock S. The Image and the Chair of Germanicus // *Journal of Roman Studies*. 1957. Vol. 47. P. 144–154.
19. Wickert L. *Princeps (civitatis)* // *Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*. Bd. XXII. Hbbd. 44. Stuttgart, 1954. Sp. 2016–2029.

ВЫПУСК III

20. Zadoks-Josephus Jitta A. N. *Ancestral Portraiture in Rome*. — Amsterdam: N. V. Noord-Hollandsche iutgevers Mij., 1932. — 130 p.
21. Васильев А. В. Маски предков (*imagines*) и их значение для римской аристократии в эпоху классической республики // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 13. 2013. С. 193–206.
22. Князев П. А. *Tabula Siarensis* и два акта сената памяти Германика Цезаря (историческое сопоставление и перевод) // Исседон. 2005. Т. 3. С. 139–171.
23. Кузнецов С. К. Погребальные маски, их употребление и значение. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1906. — 44 с.

DATA ON THE ARTICLE

Author: Vasil'ev Andrey Vladimirovich, The Classical Gymnasium of St. Petersburg, School N 610 (Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: Ander-Vaas@yandex.ru

Title: Ancestral masks of the princeps as one of the instruments of imperial propaganda in the period of Julio-Claudian dynasty

Abstract: Ancestral masks (*imagines maiorum*) played an important role in the public representation of the Roman aristocracy in the Republican epoch, but remained relevant also in the time of Principate. The paper presents an attempt to trace the role of ancestral masks demonstration on the funeral ceremonies of princeps and their relatives basing on the written evidences of ancient authors (mainly, Tacitus, Svetonius and Cassius Dio).

The first part of the paper deals with the use of ancestral masks in the funerals of Augustus' family members. The thesis that Augustus changed the old tradition adding images of legendary and real prominent Romans to the masks of his ancestors on the funerals of his heirs (Marcellus, Agrippa, Drusus the Elder) is grounded by the author. The comparison between the choice of personalities of the heroes for the funeral images and the statues on the Forum of Augustus allows to infer in both cases that it was about the same propagandistic concept. In the second part of the article the application of the ancestral images by the Augustus' successors is analysed. Basing on the Tacitus' evidence about the funeral of Germanicus as well as the epigraphic monuments, which allow judging the posthumous honours intended for him (*Tabula Hebana*, *Tabula Siarensis*), the hypothesis is expressed that all of them were a response to the political crisis, which Tiberius met as a result of his refusal to give him the ceremonial burial in Rome.

In the end of the paper the author comes to a conclusion that the use of such propagandistic instrument as ancestral masks by the princeps for squaring account with each other led to its gradual devaluation. As a result it was sidelined

with coming of the new dynasty of Flavians, who had no family aristocratic tradition.

Key words: masks, images, ancestors, princeps, propaganda

REFERENCES

1. Broughton T. R. S., Patterson M. L. (1952) *Magistrates of the Roman Republic*, vol. 2, New-York: American Philological Association, 647 p.
2. Coli U. (1947) Scoperta di una tabula aenea iscritta nella località 'Le Sassaie' nel territorio dell'antica Heba, *Notizie degli Scavi di Antichità*, vol. 72, pp. 49–68.
3. Drerup H. (1980) Totenmaske und Ahnenbild bei den Römern, *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteil.*, vol. 87, pp. 81–129.
4. Flower H. I. (1996) *Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture*, Oxford: Oxford University Press, 428 p.
5. González J. (1984) Tabula Siarensis, fortunales Siarensis et municipia civium romanorum, *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, vol. 55, pp. 55–100.
6. Heckster O. (2008) *Honouring Ancestors: Dynamic of Deification. Ritual Dynamics and Religious Change in the Roman Empire: Proceedings of the Eighth Workshop of the International Network Impact of Empire (Heidelberg, July 5–7, 2007)*, Leiden–Boston, vol. 9, pp. 95–110.
7. Jackson D. (1987) Verism and the Ancestral Portrait, *Greece and Rome (Second Series)*, vol. 34, pp. 37–47.
8. Gruen E. S. (1992) *Culture and National Identity in Republican Rome*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 360 p.
9. Knyazev P. (2005) Tabula Siarensis I dva akta senata pamyati Germanica Tsezarya (istoricheskoe sopostavlenie i perevod) [Tabula Siarensis and two acts of the senate in memory of Germanicus Caesar (historical comparison and translation)], *Issedon*, vol. 3, pp. 139–171. (in Russian)
10. Kuznetsov S. (1906) *Pogrebalnye maski, ih upotreblenie i znachenie* [Funeral masks, their use and significance], Kazan: Imp. Univ. Press, 44 p. (in Russian)
11. Meyer H. (1914) Imagines Maiorum, Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, Stuttgart, vol. 8, coll. 1097–1104.
12. Mommsen Th. (1887) *Römisches Staatsrecht*, Leipzig: Verlag von S. Hirzel, vol. 1, 735 p.
13. Potter D. S., Damon C. (1999) "Senatus Consultum de Cn. Pisone patre": Text, Translation, Discussion, *American Journal of Philology*, pp. 13–42.
14. Price S. R. F. (1987) From Noble Funerals to Divine Cult: the Consecration of the Roman Emperors, *Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies* (eds. D. Cannadine and S. Price), Cambridge: University Press, pp. 56–105.

15. Richter G. M. A. (1955) On the Verism in Roman Portraits, *Journal of Roman Studies*, vol. 45, pp. 39–64.
16. Rowell H. T. (1940) The Forum and the Funeral “Imagines” of Augustus, *Memoirs of the American Academy in Rome*, vol. 17, pp. 131–143.
17. Rüpke J. (2006) Triumphator and Ancestor Rituals between Symbolic Anthropology and Magic, *Numen*, vol. 53. n 3, pp. 251–289.
18. Toynbee J. M. C. (1971) *Death and Burial in the Roman World*. London: Thames and Hudson, 336 p.
19. Vasilyev A. (2013) Maski predkov (imagines) i ih znachenie dlya rimskoy artistocratii v epohu klassicheskoy respubliki [Ancestral masks (imagines) and their significance for the Roman aristocracy of the classical Republic], *Mnemon*, vol. 13, pp. 193–206. (in Russian)
20. Weber W. (1936) *Princeps: Studien Zur Geschichte Des Augustus*, Stuttgart: Kohlhammer, 247 p.
21. Weinstock S. (1957) The Image and the Chair of Germanicus, *Journal of Roman Studies*, vol. 47, pp. 144–154.
22. Wickert L. (1954) Princeps (civitatis), Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, Stuttgart, vol. 22, coll. 2016–2029.
23. Zadoks-Josephus Jitta A. N. (1932) *Ancestral Portraiture in Rome*. Amsterdam: N. V. Noord-Hollandsche iutgevers Mij, 130 p.